

Лань Янь буквально впихнули в комнату почтенные тетушки.

— Говорите нормально, не надо снимать с меня одежду!

— Тр-р-рак!

— ...

Воду для купания приготовили заранее и щедро усыпали лепестками цветов.

Тот, кто знал, что Сяо Инь просто прислал Лань Янь одежду, отнесся бы к этому спокойно, а вот не знающий наверняка подумал бы, что Сяо Инь сдал Лань Янь в бордель.

Словом, когда эта стая старых людоедок-ведьм... то есть опытных тетушек-портних закончила наводить красоту, Лань Янь сама обомлела от своего отражения в зеркале. Она поджала алые губы, опустила взгляд на две пышные выпуклости на груди и недоуменно спросила:

— И как мне в таком виде кого-то убивать?

Тетушка опешила от подобного вопроса. Честно говоря, у их клиенток обычно подобных запросов не возникало.

Однако профессионалы своего дела разве могли остаться без ответа?

— Вы же в самом расцвете красоты, девица, к чему туго затягивать грудь утяжкой? Это и для здоровья вредно. Не волнуйтесь, в этом платье убивать ничуть не хуже. К тому же ткань гладкая: попадет на нее кровь или мозги — пару раз в воде прополощешь, и снова чисто!

Лань Янь снова взглянула на себя в зеркало. Хотя было непривычно, выглядело действительно красиво — можно и денек поносить.

Чжу Сяосуй повел портних в бухгалтерию за платой. Ли Суй и Цзян Шэнлинь как раз возвращались снаружи и, поднимаясь по лестнице, столкнулись с этой благоухающей и нарядной оравой женщин. Оба прочитали на лицах друг друга недоумение: они понятия не имели, какое еще пышное действо устраивает знатный род из Цзяннани. Впрочем, недоумение Владыки дворца Ли выглядело довольно холодным — он лишь скользнул по ним краем глаза и продолжил путь к своей комнате.

В галерее стояла еще одна девушка.

Ли Суй прошёл мимо, не повернув головы.

Цзян Шэнлинь тоже собирался пройти мимо не глядя, но, будучи все же чуточку более человечным, чем Владыка дворца Ли, почувствовал неладное и обернулся присмотреться.

И от этого взгляда:

— А-а!

Ли Суй раздраженно спросил:

— Чего ты вдруг заорал?

Лань Янь, что бывало крайне редко, смутилась:

— Что такое, некрасиво?

Ли Суй:

— ?

Лань Янь была одета в нежно-желтое платье, ее черные волосы спадали водопадом и частично переплетались в изящные косички, скрепленные шпилькой в виде драгоценной бабочки. При каждом движении бабочка казалась живой, будто готовой вспыхнуть и улететь.

Одного взгляда на этот утонченный и богатый цзяннаньский вкус, заполонивший весь коридор, было достаточно, чтобы понять, кто стоит за этой затеей.

Хотя Чжу Яньинь велел сшить что-то легкое и удобное, тетушки из ателье все же проявили фантазию: уложили ей модную нынче полураспущенную прическу, а уходя, оставили маленькую шпильку, сказав, что если барышне захочется кого-нибудь убить, она может сначала скрепить ею остальные волосы.

В коридоре царила тишина.

От пристальных взглядов Лань Янь покраснела еще сильнее, в ней промелькнула даже капля кокетства. Но убивать никого было нельзя — волосы-то еще не скреплены! — поэтому она повернулась и удрала в спальню, на бегу подбирая одной рукой пышный подол.

Цзян Шэнлинь подумал: «Чертовщина какая-то... Как смена одежды может настолько изменять характер? Это сменили наряд или затуманили разум? Неужели в этом и заключается таинственная сила знатных родов Цзяннани?»

Ли Суй холодно окинул взглядом лучшую комнату «Тянь-цзы №1». Если бы Сяо Инь увидел этот взгляд, то наверняка снова испуганно закрыл бы лицо руками, опасаясь, что его опять мнут и тискают как вздувается.

Цзян Шэнлинь вошел в комнату вслед за Ли Суй. В его голове все еще стоял образ хрупкой и грациозной Лань Янь. Красива-то она, безусловно, была красива, но главное — это выглядело словно одержимость. Впечатление было таким, будто все мясники в городе неожиданно начали качать головами и декламировать древние стихи — чистейшая чертовщина. Впрочем, допив чашку чая, Божественный целитель быстро себя успокоил: в конце концов, если даже Тисюэ Учжуй научился менять ноги в воздухе и бегать рысью задом наперед, то есть ли вообще что-то, на что не способны люди из Цзяннани? Дело житейское.

Ли Суй нахмурился:

— Чего ты качаешь головой и цокаешь?

Цзян Шэнлинь ответил:

— Поедем с ними еще немного, и Дворец Ваньжэнь, пожалуй, от людей до лошадей ассимилируется Усадьбой Чжу. Ты в курсе, что Тисюэ Учжуй больше не ест сухое сено и грубый фураж, а каждый день ходит в соседский номер попрошайничать?

Ли Суй:

— Я не в курсе.

Цзян Шэнлинь:

— Нет, ты наверняка знаешь. Ты просто делаешь вид, что не знаешь.

Ли Суй:

— ...

Он действительно знал, но лишь потому, что ему было лень вмешиваться. Что значит «делает вид»?

Кровожадный маньяк холодно посмотрел на него.

Божественный целитель тут же сменил тему:

— Тот флакон с лекарством... Полагаю, он как-то связан с Аптекой Хунсин.

Ли Суй откинулся на спинку кресла:

— Слушаю.

— Аптека Хунсин поднималась из Фэнчэна. Отец рассказывал мне, что пятьдесят лет назад по всему Даюй бушевала эпидемия. Двор испробовал все средства, но так и не смог искоренить болезнь. К счастью, торговец лекарственными травами по имени Ли Фуфэн составил действенный рецепт из цибайцзы, фэнчуня, цюши и других ингредиентов, благодаря чему стихийное бедствие удалось остановить.

Причем рецепт Ли Фуфэна оказался не только эффективным, но и бесплатным: он обнародовал его даром, да и за сами снадобья брал лишь гроши, а где мог — и вовсе отдавал даром. Подтверждая его заслуги, двор предоставил ему немало привилегий. Аптека Хунсин семьи Ли практически за одну ночь открылась по всем уголкам страны. Простые люди знали, что Великий благодетель Ли — человек честный и благородный, не в пример прочим рвачам, продающим отсыревшее и гнилое зелье ради наживы. Поэтому, заболев, все шли в «Хунсин», а семья Ли процветала из поколения в поколение.

Цзян Шэнлинь добавил:

— Впрочем, снадобья у них действительно хорошие.

— Великий благодетель Ли, — произнес Ли Суй. — Звучит знакомо.

Цзян Шэнлинь изумился:

— Ли Фуфэн уже много лет как преставился, откуда тебе это знакомо?

— Знакомо не имя Ли Фуфэна, а прозвище «Великий благодетель».

— ...Ду Яфэн?

Ли Суй ответил:

— Семья Ду тоже постоянно позиционирует себя как великих благодетелей. К тому же Усадьба Шанжу расположена в Фэнчэне.

Цзян Шэнлинь задумчиво произнес:

— Хотя один лишь флакон не может служить прямым доказательством, мы и без того подозревали Усадьбу Шанжу. Теперь же подозрения лишь укрепились. Не сходить ли нам туда вечером на разведку? Люди из Усадьбы Шанжу остановились вместе с Альянсом боевых искусств на Постоялом дворе Шаньнань.

Ли Суй кивнул:

— Пусть... я пойду сам.

Цзян Шэнлинь чутко уловил эту паузу:

— Ты ведь хотел сказать «пусть пойдет Лань Янь», но вспомнил про ее пышное платье?

Ли Суй без всяких эмоций произнес:

— Проваливай.

Божественный целитель Цзян подумал: «Проваливать так проваливать!»

Покончив с делами, он захотел поближе познакомиться с тем, как живут цзяннаньские барышни, и постучал в соседнюю дверь. Однако, войдя, снова обомлел: вся комната была увешана одеждой из шелка и парчи, а на столе стоял целый ларчик с украшениями. Казалось, наряды ее получше — и можно прямо сейчас под звуки суона выдавать замуж.

— Я спрашивала у тетюшек, сколько это стоит, хотела вернуть деньги Второму молодому господину Чжу, но они ни в какую не признаются.

Чжу Сяосуй в тот момент изобразил такое поистине барское изумление — мол, «разве наша Усадьба Чжу, даря подарки, берет деньги назад?», что Лань Янь не дерзнула настаивать. И хотя у нее тоже водились деньги, с Усадьбой Чжу в Цзяннани она очевидно находилась в разных весовых категориях. В вопросах наслаждений и подарков она разбиралась крайне слабо — куда хуже, чем в убийствах, поэтому ей оставалось лишь робко подступаться к теме ответного подарка, а при малейшем испуге тут же давать задний ход.

И делать вид, будто ничего не произошло.

Позже Чжу Сяосуй пришел пригласить Цзян Шэнлиня и Лань Янь на обед, сказав, что из Цзяннани только что доставили свежую родниковую рыбу — угоститься редкостным деликатесом.

Лань Янь спросила:

— Откуда доставили живую рыбу?

Чжу Сяосуй ответил:

— Из Цзяннани. Наш старший молодой господин рассчитал дни: эта рыба называется «санмианьбай», она очень нежная, сочная и почти без костей, бывает только в этот сезон, а Второй молодой господин ее обожает. Так что стоило вытащить из озера первую сеть, как господин тут же отправной почтой снарядил людей на север. Рыбу держат в садках в Банковской конторе Хундань в десятках ли отсюда — ее управляющий приходится Второму молодому господину дальним дядей. Он еще и свежих овощей набрал и сегодня днем прислал в

Ваньцзинчэн.

Цзян Шэнлинь:

— ...

«Отчего кажется, будто у каждого в вашей Усадьбе Чжу есть по собственной банковской конторе?»

Он даже не знал, с чего именно начать завидовать.

Лань Янь только что приняла тридцать нарядов и комплектов украшений и еще не вернула долг вежливости, поэтому ей было неловко идти даром обедать. Она придумала предлог, ответив, что должна сопровождать своего Владыку дворца.

На что Чжу Сяосуй сказал:

— А, наш молодой господин лично пошел пригласить Владыку дворца Ли. Это просто скромный обед, ничего не задержит.

В этом и заключалось его преимущество: хотя он и недолго любил дьявола из Цзянху, желая, чтобы молодой господин держался подальше от Дворца Ваньжэнь, он никогда не пренебрегал своими обязанностями и скрупулезно выполнял каждое поручение Чжу Яньиня.

В соседней комнате Чжу Яньинь как раз приглашал Ли Суя.

— Не пойду.

Второй молодой господин Чжу подумал: «Ожидаемый ответ, но ничего страшного, я справлюсь!»

И он продолжил подливать масла в огонь:

— Божественный целитель Цзян и девица Лань тоже пойдут. Рыбу «санмианьбай» обмакивают в кляр и обжаривают во фритюре — один укус, и невероятный аромат заполняет всё, истинное земное блаженство!

«По крайней мере, это куда вкуснее твоей лапши с тушеными свиными ребрышками».

Ли Суй сказал:

— У меня дела.

Чжу Яньинь спросил:

— Какие еще дела?

— Ночная разведка.